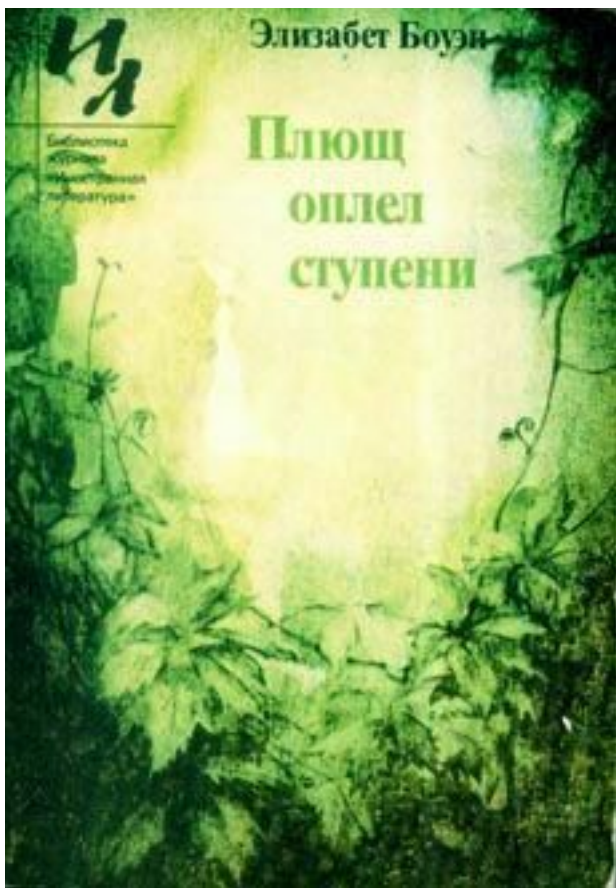

ИЯ

Библиотека
журнала
«Мисль і дія»
література»

Елизабет Боуэн

**Плющ
оплел
ступени**

Элизабет Боуэн

Слезы, пустые слезы

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161888

*Элизабет Боуэн «Плющ оплел ступени». Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984*

Аннотация

В эту книгу включены рассказы английской писательницы Элизабет Боуэн, написанные в разные периоды ее творчества. Боуэн – тонкий, вдумчивый мастер, она владеет искусством язвительной иронии, направленной на человеческие и социальные пороки

Элизабет Боуэн

Слезы, пустые слезы

Фредерик разразился слезами посреди Риджент-парка.

Его мать, видя, к чему идет, прикрикнула:

– Фредерик, как можно, прямо посреди Риджент-парка!

По правде говоря, расплакался он не посреди, а в углу парка, одном из тех бойких его уголков, прямо за большими воротами, где сходятся две дорожки и переброшен мостик через прелестное изогнутое озеро. Мимо торопливо сновали люди, мостик гудел от их шагов. Тополя возносили в небо свои хрупкие зеленые метелки; прозрачные сквозные ветки плакучих ив, чей плач никого не возмущал, трепетали над озером. Майское солнце брызгалось золотом сквозь колышущиеся деревья; тюльпаны хоть и совсем распустились, пестрели все так же весело; длинная лодка, на борту которой сидели три девушки, влетела под мост. Фредерик – колени у него подгибались – уткнулся красным, перекошенным лицом в живот матери так, словно хотел зарыться в нем. Она выхватила платок и стала вытирать его лицо под серой фетровой шляпой, горестно приговаривая:

– Нельзя же так, ты ведь давно вышел из пеленок!

Ее слова привлекли к ним внимание – промолчи она, и вокруг сочли бы, что у него вынимают соринку из глаза.

Он уже вышел из того возраста, когда плачут, – просто

стыд и срам. На нем был серый фланелевый костюмчик с бриджами, и он вполне мог сойти за школьника, хотя ему исполнилось всего семь лет и он еще занимался дома. Мама говорила ему чуть не каждую неделю:

– Не представляю себе, что только о тебе подумают, когда ты пойдешь в школу.

Она настолько стыдилась его плаксивости, что даже ни с кем о ней не говорила; никакая постыдная телесная немочь не удручала ее сильнее. Раз она даже было взялась за перо: решила написать в колонку «Голос матери» одного весьма дельного женского журнала. «Я вдова, – начала он, – молодая, с хорошим характером, и мои друзья говорят, что у меня редкостное самообладание. А вот мой мальчик...» Она хотела подписаться – «миссис Д. Суррей», но что-то ее удержало; нет, решила она, не стоит, все-таки он сын Топпи... Элегантная, подтянутая дама, вот и сегодня на прогулку она вышла в костюме с черно-бурой лисой, белых перчатках и темно-синем токе – чуть-чуть, в самую меру, надвинутом на лоб; такой даме не к лицу гулять по Риджент-парку с зареванным сыном. У нее, конечно, могут быть сыновья, но не такие, нет, ей и впрямь куда больше подошло бы прогуливать собачку,

– Пошли! – сказала она, словно вид моста, тополей, зевак, глазеющих на них, стал ей непереносим. И быстро зашагала по берегу озерца мимо деревьев вдоль дорожек, мимо темных величественных окон Корнуолл-террас, глядящих на

нее поверх зарослей боярышника. Они собирались пойти в зоопарк, но теперь пошли в другую сторону: Фредерик не заслужил зоопарка.

Фредерик плелся рядом; он так пал духом, что ничего не заметил. Мать редко карала его открыто, зато часто вымещала злобу по мелочам. Он знал, что это только справедливо. Его неумение сдерживать слезы так же удручало, угнетало, унижало его, как и ее. Он сам не понимает, что с ним творится, – ледяная черная, бездонная яма разверзается у него внутри, раскаленная проволока пронзает его насквозь от ледяной ямы желудка до провалов глаз. Из глаз его льются жаркие, липкие слезы, лицо перекашивается, он чувствует, как рот его растягивает уродливая гримаса, – и вот уже он сам себя стыдится, сам себе ненавистен. Отчаяние ветром завывает у него внутри, перед его застанным взглядом все дрожит. Кто ни окажись поблизости – хуже всего, если мама, – и он уже не может с собой совладать. Когда он оставался один, он никогда так не плакал.

Плач делал его таким жалким, таким отверженным, что он плакал навзрыд уже от одного отчаяния. Его плач не был безотчетным, как у ребенка, плач выставлял напоказ всю его неприглядность. Ничего удивительного, что он всех отталкивал. В жалких людях есть нечто такое, отчего даже в самых добрых сердцах пробуждается жестокость. Сквозь заросли боярышника окна величественных особняков глядели на него строго, как судьи. Девушки, сидевшие заложив

ногу на ногу на скамейках, отрывали глаза от своих книжек и, недобро усмехаясь, поглядывали на него. Он безучастно плелся за ней – то ли не заметил, то ли не жалел, что поход в зоопарк отменяется, и это вывело миссис Дикинсон, его мать, из себя. Голосом, дрожащим от неприязни, она сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.